

Таким образом, по своей идейно-политической направленности все эти работы были обращены в сторону актуальных проблем политики русского самодержавия и направлены на поддержку его империалистических поползновений на Ближнем Востоке. Работы эти изобилуют ошибками, несообразностями, неточностями, а то и нелепостями<sup>16</sup>. Часто авторы некритически воспроизводили различные традиционные домыслы, давно уже признанные недостоверными, допускали натяжки, невероятную фактическую путаницу, произвольные смещения в хронологии и причинной связи событий, ни на чем, кроме авторского вымысла, не основанные, подчас весьма примитивные толкования и т. п. Лишь в отдельных, очень немногих местах указанных произведений высказывались сравнительно реалистические суждения<sup>17</sup> и учитывались некоторые новые данные, полученные исследователями конца XIX в. в области установления фактического хода крестоносного движения. В целом, однако, подход авторов к материалу отражал давно пройденную ступень развития историографии крестовых походов.

В ряду интересующих нас сочинений этого времени особняком стоит напечатанный в 1905 г. в «Трудах Киевской духовной академии» этюд киевского медиевиста В. Родникова «Забывтый документ». Он принадлежит к числу исследований «академического» порядка, не являвшихся столь непосредственным, как разобранные выше работы, отражением официального пропагандистского курса. Это — конкретное исследование, посвященное разбору письма<sup>18</sup> оставшегося неизвестным очевидца взятия Константинополя участниками Четвертого крестового похода. Путем тщательного рассмотрения сведений, содержащихся в письме Анонима, и сопоставления их с данными произведений Жоффруа Виллардуэна, Никиты Хониата и переписки Иннокентия III Родников в общем достаточно убедительно определил социальное положение автора документа, характер его политических воззрений (это был, по мнению историка, «крайний приверженец папы» — стр. 10) и личность: он считал составителем письма Иоанна Фиезского, феодального барона, одного из предводителей крестоносцев Четвертого похода (стр. 8).

Наиболее серьезная ошибка, допущенная, как мы полагаем, Родниковым при анализе текста Анонима, заключалась в том, что он отнес содержание памятника к 1204 г., тогда как в действительности в письме рассказывается о первом вторжении крестоносцев в византийскую столицу, имевшем место в 1203 г. Другая ошибка исследователя состояла в переоценке письма Анонима как якобы единственного свидетельства оче-

метан» (стр. 88) — положение, достаточно четко, хотя и несколько приглушенно отражавшее идею необходимости овладения святыми местами на Востоке и отобрания их у «поклонников Магомета».

<sup>16</sup> «Но бог послал им (крестоносцам. — М. З.) неожиданную помощь», — так говорилось в книге В. Федорова о прибытии в Яффу (во время осады Иерусалима первыми крестоносцами) генуэзского корабля с провиантом и инструментами (стр. 36). Тот же автор в качестве якобы действительно имевшего место события воспроизводил такое фантастическое происшествие, упоминаемое некоторыми хронистами, как явление крестоносцам Георгия-Победоносца на вершине горы Елеонской (по словам Федорова, это чудо изменило весь ход битвы за священный град — стр. 38). И т. д. и т. п.

<sup>17</sup> Так, в книге Федорова более или менее близко к истине рисовались мотивы участия крестьянской бедноты в походе 1096 г. (стр. 6); в харьковской брошюре отмечалось, что для правящих кругов католической церкви «крестовые походы, кроме святой цели (sic! — М. З.), открывали блестящие виды на господство, влияние, богатство, расширение пределов власти на Востоке» (стр. 6). Впрочем, говоря далее о политике Урбана II, автор утверждал, будто папа «давно мечтал о том, чтобы улучшить свою власть участь христиан на Востоке» (стр. 13).

<sup>18</sup> Во второй части исследования приводится прокомментированный самим автором русский перевод этого документа (стр. 12—21), который почти не учитывался историками при описании событий 1202—1204 гг.